

— Уи-уи-уи? — из горла Изящного вырвался скрежещущий, похожий на визг ногтей по доске звук, и он тут же испуганно зажал лапками рот.

«Неужели... он пришёл ради меня?»

Молодой морской свин Изящный медленно поднял нескладную мордочку и застыл, не сводя глаз с молодого мужчины, который укутался так плотно, что видны были лишь глаза.

Никто и никогда не говорил ему подобных слов. Ни один человек в мире не приходил ради него одного. Даже его первая хозяйка, которая когда-то ласково гладила его по спине, нахваливая красивую шубку, избавилась от него в один миг, стоило ей расстаться с парнем. Она относилась к нему как к забавной игрушке: пока нравился — баловала, а надоел — выбросила без колебаний.

— Да, именно так. Когда я увидел тот репортаж в новостях, то сразу обратил внимание на рассказ о тебе. Я тут же побежал подавать резюме в Вэйши Груп, прошёл собеседование... И мне повезло. Я дошёл до финала — до встречи с тобой, — молодой человек негромко закашлялся и продолжил.

Он смотрел на шоколадного морского свина. Тот замер, словно окаменев, приподняв тонкую, слабую лапку и не решаясь опустить её на ладонь человека.

Шерсть у свина была редкой, росла клочьями. Нежная кожа, слишком долго остававшаяся без защиты, огрубела. И хотя в Вэйши Груп его выхаживали и кормили досыта, он всё ещё оставался истощённым. Под складчатой шкуркой, обтягивающей хрупкий скелет, проступала каждая косточка — казалось, на нём висит чужая, слишком просторная кожа.

Но тяжелее всего было смотреть на его шею. Там багровел страшный шрам — след от раны, которая едва не лишила его жизни. Рана затянулась, но шерсть на повреждённом месте больше не росла. Лысый рубец делал свина неказистым и жалким.

Свин был ещё совсем молодым, но выглядел дряхлым, угасающим стариком, в котором едва теплилась жизнь. И только взгляд выдавал его внутреннюю борьбу — в нём застыли немая мольба, бессилие и робкая надежда. Этот взгляд, полный противоречий, одновременно тёмный и отчаянно живой, врезался мужчине в память с первого кадра. С тех пор он думал о нём и день и ночь.

— Изящный, давай проведём вместе хотя бы один день? Я хочу, чтобы ты получше узнал меня. Если в конце концов я тебе не понравлюсь, ты сможешь отказаться. Выбор всегда останется за тобой, — мужчина протянул ладонь, обращаясь к нему как к равному, и стал ждать ответа.

С лёгким щелчком открылась дверца клетки. В его маленькую обитель мягко проник незнакомый человеческий запах, но Изящный испуганно отпрянул.

Он невольно потянулся лапками к шее и сжал кожу так сильно, что она собралась в складки. Свин скользнул взглядом по своей плешивой шкурке. Некогда редкий, благородный шоколадный окрас теперь казался уродливым из-за проплешин и шрамов.

— Изящный, мы с Чи Хуэем и Чёрным Псом думаем, что это хороший человек. Соглашайся на испытательный день, — подбодрил его Вэй Бай, видя, как робеет шоколадный свин.

— Да-да, Изящный! Мне он тоже очень нравится, иди с ним!

— Соглашайся, Изящный, соглашайся!

— Он точно добрый!

Остальные свинки-инвалиды, которых молодой человек успел приласкать, наперебой уговаривали своего угрюмого товарища. Изящный никогда не улыбался, бывал резок на язык, но за его ворчанием всегда скрывалось доброе сердце — своими едкими замечаниями он не раз помогал им справиться со страхом.

— Изящный, Мякиш бы точно за тебя порадовался, — подал голос Бутончик, приподняв тяжёлую голову со дна клетки.

«Мякиш...»

Изящный прикрыл глаза. Сердце сжалось от острой боли. Трёхцветный свин, который заслуживал долгой и сытой жизни на руках у любящего хозяина, погиб, спасая его. Мякиш принял смерть под когтями чёрного кота — безжалостного хищника, разорвавшего его плоть. Он больше никогда не вернётся к своему маленькому хозяину, никогда не издаст ни звука.

«Я обещал Мякишу, что исполню его самое заветное желание».

Изящный с глубокой печалью открыл глаза. Посмотрев на ободряющие мордочки друзей, он пересилил страх и решительно протянул лапку вперёд.

Сунь Цяо бережно подхватил его обеими руками в перчатках, укрывая в ладонях, и аккуратно прижал к груди.

Под пристальными взглядами остальных обитателей комнаты мужчина уверенно направился к выходу. Вслед им летели полные надежды взгляды Вэй Бая и Бутончика, безмолвная зависть в глазах чёрного волка и весёлое фырканье самоеда Камешка, качавшего белой головой.

Стоял полдень. Солнце палило так нещадно, что слезились глаза, а перед взором плыли разноцветные круги.

Выйдя в сад, мужчина повернулся лицом к свету и негромко произнёс:

— Изящный, меня зовут Сунь Цяо. Цяо — как мост через тихую речку.

Морские свинки от природы не выносят яркого света. Прямые солнечные лучи ослепили Изящного. Почувствовав жжение, он зажмурился, из глаз покатались мутные слёзы. Свин беспокойно завертелся в руках мужчины, пытаясь зарыться головой поглубже под лапки, чтобы спрятаться от обжигающего солнца.

— Изящный, что с тобой? Тебе плохо? Я как-то не так тебя держу? — заволновался Сунь Цяо, заметив его мучения.

Он поспешно вытащил из кармана «Руководство по содержанию морских свинок», составленное опытным ветеринаром. Собираясь сюда, Сунь Цяо так торопился встретиться со своим будущим питомцем, что даже не успел заглянуть в брошюру.

Кое-как, одной рукой, он перелистнул несколько страниц, пока не наткнулся на раздел об особенностях поведения. Крупный жирный шрифт гласил: [Морские свинки боятся яркого света, ведут сумеречный образ жизни и предпочитают полумрак].

Сунь Цяо охнул. Брошюра выскользнула из его пальцев и упала на траву. Он тут же спрятал Изящного под куртку, бережно прикрыв его глаза ладонью, чтобы не пропустить ни единого лучика.

— Прости меня, Изящный. Я не знал, что тебе вреден солнечный свет, — смущённо пробормотал он.

— Уи-уи-уи... — тихонько отозвался Изящный из душного укрытия.

«Этот человек вообще умеет обращаться со свинками?»

И всё же тепло руки, надёжно прикрывающей его от солнца, и глухой, частый стук сердца мужчины, от которого слабо пахло лекарственными травами, заставили Изящного приоткрыть глаза. Свин попытался разглядеть лицо Сунь Цяо сквозь щёлочку между пальцами.

«Он правда за меня беспокоится?»

Мужчина наклонился, подобрал книжку и быстро зашагал вперёд. Изящный чувствовал, как сбивается его дыхание, а объятия хоть и были крепкими, но слегка подрагивали от волнения.

Вскоре его наконец достали из-под куртки. Они оказались в комнате с плотно задёрнутыми шторами. Здесь царил приятный, прохладный полумрак — именно то, что нужно морской

свинке.

Сунь Цяо аккуратно опустил Изящного на стол, а сам пристроился рядом, положив подбородок на край столешницы, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Он смотрел из-под защитной маски с мягкой теплотой.

— Изящный, я самый обычный человек, простой клерк. Мне далеко до господина Вэя. Но всё, что у меня есть, я разделю с тобой. У меня надёжная работа — платят немного, но на жизнь хватает. И квартирка крошечная, всего две комнаты. Одна будет твоей, другая — моей. Жить будем скромно, зато в тепле и уюте, без скитаний.

— Я никогда раньше не держал животных. Ты моя первая морская свинка. Мне стыдно признаться, но я даже не знаю толком, чем тебя кормить. Обещаю, что изучу это руководство от корки до корки и буду заботиться о тебе по всем правилам. Что ты любишь? Каждое первое число, как получу жалованье, буду покупать тебе самые вкусные лакомства в зоомагазине. Устроим наш маленький ежемесячный праздник, идёт?

Изящный слушал его молча. Когда-то его первая хозяйка говорила почти то же самое. И чем всё закончилось? Его выбросили на улицу, обрекли на ужасы «Охоты злых кошек», где его жизнь не стоила и ломаного гроша.

— Когда мы приедем домой, пойдём вместе выбирать тебе домик и игрушки. У тебя такой красивый шоколадный окрас... Хочешь, обустроим твою комнатку в шоколадных тонах? Ой, нет, глупость какая. Если всё будет коричневым, я просто не смогу тебя там отыскать... — Сунь Цяо сконфуженно почесал затылок, улыбаясь собственной неловкости.

Но эти слова задели Изящного за живое.

«Шерсть...»

Разве у него осталась былая красота? Теперь его изувеченное тельце выглядело уродливым и жалким. Свин молча отвернулся, подставив человеку изуродованную шрамами спину — немое свидетельство пережитого кошмара. Изящный скользнул взглядом по своим бокам и тут же испуганно зажмурился, не желая видеть собственное уродство.

— Прости, Изящный. Кажется, я забыл сказать... Мы ведь с тобой очень похожи, — тихо проговорил Сунь Цяо, глядя на одинокий пушистый комочек, который словно пытался спрятаться от всего мира на краю стола.

«Похожи?..»

Изящный не шевелился, но его чуткие уши дрогнули, а сам он незаметно скосился назад.

Раздался тихий шорох ткани. Мужчина снял маску, стянул перчатки и принялся расстёгивать пуговицы на куртке и рубашке.

Изящный оцепенел от изумления. Перед ним сидел человек, чьё тело покрывали жуткие, стянутые багровые рубцы. Лицо мужчины было обезображено следами страшных ожогов. Кожа походила на иссушённую землю, по которой змеились уродливые шрамы, не оставив ни единого живого места. И только глаза — ясные, полные бесконечной доброты и понимания — остались прежними.

Свин медленно развернулся к нему всем телом.

— Изящный, если ты согласишься пойти со мной и не испугаешься моего уродства... Я бы хотел дать тебе новое имя. Как насчёт Яблока? Чтобы ты рос крепким, здоровым и больше никогда не знал бед. Я просто хочу, чтобы мы жили мирно и счастливо, — Сунь Цяо застегнул рубашку и снова надел перчатки, но не стал прятать лицо.

Изящный застыл, не отрывая взгляда от Сунь Цяо — человека с такой же израненной «шкуркой», как и у него самого.

В его памяти вдруг зазвучали два голоса.

Один — весёлый и беззаботный, принадлежавший его первой хозяйке:

«Этот шоколадный малыш такой изящный, просто крошечный пушистый комочек! А как забавно он пищит — будто песенку поёт. Назову-ка я его Изящным!»

Другой — тихий, слегка охрипший, но бесконечно тёплый голос мужчины перед ним:

«Я бы хотел дать тебе новое имя. Как насчёт Яблока? Чтобы ты рос крепким, здоровым и больше никогда не знал бед».

Оба давали ему имя, но почему-то от слов этого человека к горлу Изящного подкатил горький ком.

— Уи-уи-уи... — он издал скрежещущий, неприятный хрип.

Изящный испуганно взглянул на мужчину и поспешно зажал рот лапками. Даже сородичи не любили его изувеченный голос — пусть они и притворялись, что всё в порядке, свин прекрасно знал, как сильно режет слух этот скрежет.

Сунь Цяо бережно протянул ладони и приподнял этого на вид сурового, но такого ранимого шоколадного зверька ближе к своему лицу.

— У меня совсем никого не осталось. Если ты согласишься пойти со мной, ты станешь моей единственной семьёй. Не просто домашним любимцем, а верным другом, с которым мы вместе встретим старость. Что скажешь?

Сунь Цяо достал из кармана огненно-красный стручок острого перца, быстро разжевал его и проглотил. Лицо его мгновенно залило краской, он зашёлся в хриплом кашле, а голос стал сиплым и надорванным.

— Яблоко, пойдём со мной домой? — спросил он теперь таким же грубым, царапающим слух голосом, похожим на скрежет Изыщного.

Его изуродованное ожогами лицо выглядело пугающе, но улыбка была такой искренней, полной тепла и надежды. Сунь Цяо снова протянул к нему руки в перчатках.

Широкие ладони застыли перед свином, едва заметно дрожа от волнения.

Вся обида и горечь, которые Изыщный так долго копил в себе с момента предательства первой хозяйки, хлынули наружу. В его тёмных глазах блеснули слёзы. Он смотрел на стоявшего перед ним человека, не мигая.

Почему именно сейчас он не смог сдержаться?

«Если бы... если бы ты стал моим самым первым хозяином...»

<http://bllate.org/book/18361/1865362>